
РОССИЯ

Изменяющийся образ времени

сквозь призму языка

STUDIA PHILOLOGICA

УДК 811.161.1

ББК 81

Р 74

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 12-04-16174

Работа над монографией осуществлена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 07-04-00130а «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка.
Контрастивный анализ данных русского, английского и немецкого языков»

Под общей редакцией:

д. ф. н. В. И. Заботкиной. Работа была осуществлена коллективом авторов
БФУ им. И. Канта, продолжена и завершена в РГГУ.

Коллектив авторов:

д. ф. н., проф. *Заботкина В. И.*, д. ф. н., проф. *Берестнев Г. И.*,
к. ф. н., проф. *Бондарева Л. М.*, к. ф. н., доц. *Данилюк-Ресслер Н. В.*,
к. ф. н., доц. *Коннова М. И.*, к. ф. н., доц. *Рожкова О. Е.*,
к. ф. н., доц. *Рунова Н. В.*, к. ф. н., проф. *Салькова Д. А.*

Р 74 Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка.
Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении
с английским и немецким языками: Монография / Под общ.
ред. В. И. Заботкиной. — М.: Рукописные памятники Древней
Руси, 2012. — 472 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0608-3

Коллективная монография посвящена исследованию представлений о времени, которые отражены в русском языковом сознании в сопоставлении с репрезентацией концепта времени в английском и немецком языках. Изменяющийся образ времени анализируется в двух плоскостях: синхронной и диахронной; прослеживаются сдвиги в осмыслении времени, происходящие в концептуальных и языковых картинах мира носителей трех языков.

Книга рассчитана на лингвистов, филологов, культурологов а также преподавателей русского и иностранного языков, студентов и аспирантов гуманитарных дисциплин.

ББК 81

*В оформлении переплета использована композиция
Александра Григорьева
«Раковина в сером пространстве», 1982 г.*

ISBN 978-5-9551-0608-3

© Авторы, 2012

© Рукописные памятники Древней Руси, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Ред. В. И. Заботкина)	9
--	---

Часть I. ВРЕМЯ в языке

ГЛАВА 1. Время как объект познания.	15
1.1. Время в качестве объекта познания (Л. М. Бондарева) . . .	15
1.2. Концептуальное и языковое время (М. Н. Коннова, В. И. Заботкина)	22
1.3. Когнитивное освоение времени (Г. И. Берестнев).	27
1.4. Грамматические и неграмматические способы актуализации категории темпоральности (Л. М. Бондарева).	33
ГЛАВА 2. Концептуальная метафора как способ осмысления времени	44
2.1. Теория концептуальной метафоры (В. И. Заботкина, М. Н. Коннова)	44
2.2. Темпоральные метафоры в немецком языке (Л. М. Бондарева).	74
2.3. Система концептуальных метафор времени (на материале английского языка) (М. Н. Коннова)	77
2.4. Взаимодействие пространственной и темпоральной концептосфер (Л. М. Бондарева)	81
2.5. Пространственные метафоры в системе концептуальных метафор времени (на материале английского языка) (В. И. Заботкина, М. Н. Коннова)	87

Часть II. ХРИСТИАНСКАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ

ГЛАВА 1. Дар времени	111
1.1. Время в древнерусской картине мира (на материале «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона) (Г. И. Берестнев).	113

1.2. Темпоральная лексика русского языка: слова с корнями <i>дар-</i> , <i>благ-</i> (М. Н. Коннова)	121
1.3. Образ времени в обыденном сознании русского человека (на материале частной корреспонденции XVII—XXI вв.) (М. Н. Коннова)	131
1.4. Концептуальные метафоры христианской модели времени в английском языке (В. И. Заботкина, М. Н. Коннова)	140
1.5. Христианская модель времени в немецком языке (Л. М. Бондарева)	148
Глава 2. Время как основная константа бытия: когнитивные механизмы формирования аксиологии повседневности (М. Н. Коннова)	
2.1. Темпоральная категория «повседневность» в русском и английском языках	156
2.2. Когнитивные сдвиги в категоризации повседневности в русском и англо-американском языковом сознании	165
2.3. Смыслообразующие доминанты метафорического образа пути: темпоральный аспект	172
2.4. Образ времени в стихотворении Б. Пастернака «Неоглядность»	181
2.5. Аксиология времени (на материале трудов В. Н. Лосского)	187
Глава 3. Аксиология времени праздника (М. Н. Коннова)	
3.1. Языковая репрезентация времени праздника в гимнографии	194
3.1.1. Семантика временного и вечного: первая песнь пасхального канона (на материале церковнославянского и английского текстов)	194
3.2. Языковой образ времени праздника в художественном дискурсе	201
3.2.1. «Таким явилось и таким осталось...»: темпоральные константы праздника Рождества в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»	201
3.2.2. Цветовая символика образа праздника Пасхи в романе И. С. Шмелева «Лето Господне»	208
3.2.3. «Я понял жизни цель...»: маркеры времени в ранней лирике Б. Л. Пастернака	213

- 3.2.4. «И дольше века длится день...». Аксиология времени в стихотворении Б. Л. Пастернака «Единственные дни» . . . 222
- 3.2.5. Образ времени в английской поэзии (на примере стихотворений Дж. Мильтона и У. Уитворта) . . . 226

Часть III. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ

- ГЛАВА 1. Россия: изменения в метафорических моделях времени . . . 237
- 1.1. «Культурная революция» в России XVIII века и новые тенденции в осмыслении времени (Г. И. Берестнев) 237
- 1.2. Новые метафорические модели времени в XIX веке («Былое и думы» А. И. Герцена) (Г. И. Берестнев) 248
- 1.3. Время в русской языковой ментальности на рубеже XX—XXI веков: бытие по законам детективного жанра (Г. И. Берестнев) 255
- 1.4. Экономические метафоры времени в современном русском языке (М. Н. Коннова) 264
- ГЛАВА 2. Новые концептуальные метафоры времени в англо-американском социуме 270
- 2.1. Изменения в концептосфере времени: когно-лингвокультурологический подход (В. И. Заботкина, М. Н. Коннова) 270
- 2.2. Категория времени в русском и американском политическом дискурсе (О. Е. Рожкова) 304
- 2.3. Метафоризация времени в современном англоязычном публицистическом дискурсе (на материалах журнала «The Economist» [1999—2005 годы]) (М. Н. Коннова) 315
- 2.4. Время в русском и англо-американском публицистическом дискурсе сквозь призму метонимии (Н. В. Рунова) 351
- ГЛАВА 3. Новые модели времени в немецкоговорящем социуме . . . 358
- 3.1. Экономическая (прагматизированная) модель времени в немецкой языковой картине мира (Л. М. Бондарева) . . . 358
- 3.2. Темпоральные метафоры в лексико-фразеологической системе немецкого языка (Л. М. Бондарева) 362
- 3.3. Время в немецкоязычной картине мира (по материалам крылатых выражений и поговорок) (Д. А. Салькова) 366

- 3.4. Лексема *Zeit* в контексте корпусных исследований немецкого языка (Л. М. Бондарева) 371
- 3.5. Концепт *нестабильного времени* в немецком демократическом общественном сознании первых десятилетий XX века (Д. А. Салькова) 373
- 3.6. Концепт «Время перемен» в немецком общественном сознании 1989—1990 годов (Н. В. Данилюк-Рёсслер) 381
- 3.7. *Время России* в современном немецком публицистическом дискурсе (Д. А. Салькова) 389

Часть IV. Техноцентричная (виртуальная) модель времени

- ГЛАВА 1. Время как виртуальная сущность 399
- 1.1. Компьютерные технологии и современные тенденции атомизации времени в русском языке (Г. И. Берестнев) . . 399
- 1.2. Виртуальный образ «интернет-время» в русском языковом пространстве (О. Е. Рожкова) 404
- 1.3. Новые технологии и концептуализация времени в современном английском языке. Концептуальная метафора TIME IS A VIRTUAL ENTITY (В. И. Заботкина, М. Н. Коннова) 405
- 1.4. Виртуальное время сквозь призму метонимии в английском и русском языках (Н. В. Рунова) 416
- 1.5. Техноцентричная модель времени в современном немецком языке (Л. М. Бондарева) 424
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ 426
- БИБЛИОГРАФИЯ 429
- Источники 458

ГЛАВА 1

ВРЕМЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ

1.1. ВРЕМЯ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ

Л. М. БОНДАРЕВА

Время — загадочный феномен: «оно как таковое не дано нам в непосредственном наблюдении, это неуловимая сущность, которая лишь может оставлять чувственно воспринимаемые следы» или продемонстрировать нам свои «приметы». Концепт времени более, чем другие речемыслительные категории, отражает атрибуты действительности, связанные с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его «ощущением времени» (Человеческий фактор в языке... 1992: 236).

Абстрактный концепт «Время» есть «ненаблюдаемый и не имеющий соответствующего «оригинала» или вещного референта в реальной действительности, умопостигаемый и «добываемый» разумом, не имеющий постоянно фиксируемого ассоциата и конструируемый логически, текущий и меняющий свой ментальный образ, являющийся фактом воображения, вымыслом и трудный для определения, толкований, определяемый только словами, описаниями и допускающий достаточно свободные интерпретации, субъективный по своему характеру» (Попова 2007: 174).

Концептосфера времени отражает, таким образом, базовые когнитивные сущности времени и является «пучком» представлений, понятий, знаний, сопровождающих слово «время» (Бертова 2000: 50).

Само осознание времени складывается в недрах христианской религии на основе постулата о начале и конце света.

В целом, по мнению исследователя, благодаря христианству человечество смогло постичь время как переходящий, конечный, однократный срок, не допускающий ревизий, возвращений и повторения, что способствует осознанию человеком личной ответственности за собственную жизнь.

Однако наряду с христианским пониманием времени необходимо упомянуть о предшествовавших ему мифологическом и эпиче-

ском концептах времени, которые, наравне с христианским временем, представлены, в частности, по мнению Н. В. Шамовой, в германском эпосе о Нибелунгах (здесь и далее см.: Шамова 2006: 302—304).

Мифологическое, или сакральное время, ориентированное на моменты ежегодных массовых празднеств, отражало восприятие мира в коммуникативном сознании древнего человека как вечного круговращения, при котором главным является не единичное, а повторяющееся, ставшее нормой, т. е. «вечное». *Эпическое* же время, занимающее промежуточное положение между мифологическим и земным временем, воплощало в себе реальные события, произошедшие в земное время, но частично уже обросшие мифами. Сущность этого времени, отмечает исследователь, описал М. М. Бахтин, который охарактеризовал его как «абсолютное прошлое», замкнутое, как круг, и которое следует рассматривать не столько как временную, а как ценностную категорию (ср. также с народно-историческим временем [Бахтин 1979: 234]).

Поэтому вполне закономерно феномен времени издавна является предметом повышенного внимания в целом ряде наук, в частности философии, физики и психологии, где в целом различаются «объективное», т. е. внешнее естественно-научное, астрономическое время, измеряемое отрезками пути небесных тел, и «субъективное», внутреннее, перцептуальное время, которое основано на его осознании и зависит от содержания концептов, которыми мы оперируем (ср.: ФЭС 1989: 77—78).

Как указывает М. Кастельс (здесь и далее см.: Кастельс 2000: 414—419, 429), с учетом направления времени можно говорить об энтропийном (естественно-научном) и информативном времени, а время без направления, существующее в мыслях и памяти, т. е. микромире, способно двигаться вверх и вниз. В отличие от понимания времени как явления динамического существует его статическая интерпретация, согласно которой мы движемся во времени. Наконец, известен тип многомерного времени, когда по одному из временных измерений — пространственноподобному — можно двигаться вперед и назад (напр., видение будущего в снах).

Далее, по мнению М. Кастельса, в качестве модели времени второй половины XX в. функционирует его новый техноцентричный образ, для которого характерно уплотнение и деформация, возникающие в результате развития СМИ и массовой компьютеризации общества. В итоге сущность современного глобального хронотопа сводится к «ускорению» времени и «сжатию» пространства (Горин 2003). Под влиянием технологических, культурных и организационных про-

цессов в современном сетевом сообществе происходит уничтожение человеческого, биологического и социального времени, того временного ритма, который регулировал человеческий вид с момента его возникновения. В итоге осуществляется системное смешение времен, в котором устраняется очередность следования событий и возникает недифференцированное, «вневременное» время, напоминающее «плоский синхронный горизонт без начала, без конца и без какой-либо последовательности» (Кастельс 2000: 429).

Впрочем, после рассмотрения модернистских моделей времени мы бы хотели все же вернуться к анализу времени «классического», более привычного для нас и реализующегося в своей объективной и субъективной формах.

Как отмечает в этой связи Е. В. Бекишева, с точки зрения «объективного» времени будущее, настоящее и прошедшее являются чистой абстракцией, а с позиций «субъективного» времени — это конкретные понятия, соотносимые с определенным концептом (Бекишева 2004: 52).

В свою очередь О. Ю. Медведева (здесь и далее см.: Медведева 2002: 6—7) указывает, что современные философы, все активнее обращающиеся к изучению субъективно-личностных форм отношения человека к миру, проявляют особый интерес к проблемам «субъективного» времени, т. е. индивидуального восприятия и осмысления человеком конкретных моментов его существования, что связано с осознанием смысла жизни. Актуальной является также проблема, связанная со спецификой социального времени, обладающего своими собственными характеристиками в отличие от времени физических, природных явлений и процессов.

Далее О. Ю. Медведева упоминает, со ссылкой на Багдоноса (Там же: 6), тот факт, что время объективное, или онтологическое, и время субъективное, или гносеологическое, составляют в совокупности так называемое «психологическое время». При этом для онтологического, т. е. физического, времени характерны следующие признаки: субъектно-отраженность, безграничность, необратимость, односторонненность, континуальность, однозначность, рапидность. В свою очередь для субъективного, гносеологического, т. е. перцептуального времени релевантны такие признаки, как рефлексивность, параметричность, возвратность, разноориентированность, дискретность, многомерность и также рапидность.

В сущности, констатирует О. М. Медведева, апеллируя к Г. Е. Крейдлину (1997), весь жизненный опыт человека, его психиче-

ская деятельность связаны с переживаниями во времени: складываясь в упорядоченную структуру и образы, они формируют и организуют сознание, создают то, что принято называть «концептуальной картиной мира», где время представлено прежде всего как психологическое и субъективное, как оставляющее вместе с погруженными в него событиями след в человеческой и культурной памяти.

Попутно отметим, что в подобном же смысле американский ученый В. Булл (William E. Bull) в своей монографии «Time, tense and the verb: A study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish» (1971) выделяет «личное» время (personal time), в высшей степени субъективное и зависящее от индивида, и «общественное» время (public time; ср. с ранее упомянутым «социальным» временем), базой для которого являются «космические часы», т. е. метрическая периодичность природных феноменов. Кроме того, исследователь делает интересное замечание относительно интерпретации феномена времени в «ненаучном» смысле: время есть то, что измеряется приборами (часами), фазами Луны, вращением Земли вокруг своей оси и — на вербальном уровне — минутами, часами, днями, годами и т. д. С точки зрения субъективного восприятия и с учетом человеческих эмоций время — это то, что проходит/уходит (passes), когда мы становимся старше и что, кажется, совершенно не движется, когда мы, например, нетерпеливо ждем сигнала светофора. «Время есть то, в чем и с чем мы живем, что является долгим, если ваша голова находится под водой и что является коротким накануне окончания летних каникул» (Bull 1971: 4).

Наконец, отдельное внимание В. Булл уделяет проблеме соотношения времени и протекающих в нем событий, в результате чего он приходит к формулировке семи соответствующих аксиом (см.: *Ibid.*: 51):

1. Все события происходят во времени.
2. Для всех событий необходимо наличие времени, чтобы они могли произойти.
3. Все события имеют начало, середину и конец, соответственно, инициальный, имперфективный и терминативный аспекты.
4. Все события протекают однонаправленно, конец следует за началом.
5. Ни одно событие не является идентичным самому себе.
6. Все повторения одного и того же события носят последовательный и сериальный характер.
7. Все события или цикличны, или нецикличны.

Как очевидно, данные аксиомы свидетельствуют об обязательности темпоральной обусловленности любого факта или действия, имеющего место в реальной действительности.

Говоря о субъективно обусловленном характере факторов, детерминирующих процесс концептуализации времени, следует упомянуть мнение Ю. В. Спицыной, которая также подчеркивает, что внутреннее происхождение времени выражается в ощущении временной длительности, представляющей собой субъективную оценку количества времени независимо от объективных атрибутов определенного события или ситуации. В пользу субъективности темпорального опыта свидетельствуют такие психологические феномены, как замедление времени и темпоральная компрессия. Данный подход близок к западноевропейским философским традициям, в которых время и пространство трактуются как формы человеческого созерцания, имеющие умозрительную природу (И. Кант, Б. Рассел, А. Бергсон, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль и др.) (Спицына 2001: 7—8).

Безусловно, умозрительный характер феномена времени констатирует подавляющее большинство ученых. Немецкий исследователь З. Шмидт, например, цитирует в этой связи Аристотеля, который спрашивал себя, «существовало ли бы время вообще, если бы не было сознания», подчеркивая таким образом непосредственную зависимость времени от наблюдателя (здесь и далее см.: Schmidt 1991: 386—387). Ученый ссылается далее на выработанную в русле когнитивной психологии концепцию Ж. Пиаже (J. Piaget), в которой красной нитью проходит мысль о том, что в когнитивной области не существует готовой «схемы» времени. Согласно Ж. Пиаже, время и пространство есть человеческий «опыт», и, соответственно, понятия времени и пространства зависят друг от друга и от конкретных событий в жизни каждого человека, т. е. этим понятиям люди «выучиваются».

У детей вначале формируются только концепты «собственно-го» пространства и времени, которые лишь постепенно и достаточно медленно, стабилизируясь, синтезируясь и приобретая характер инвариантов в ходе социализации индивидуума, развиваются дальше в направлении общепринятых понятий пространства и времени. Ж. Пиаже особо подчеркивает, как указывает З. Шмидт, что исключительно под давлением социально обусловленной необходимости (в частности, для синхронизации последовательности конкретных событий, координации «собственных», «личных» времен различных систем в процессе цивилизации, повышения социальной мобильности и скорости коммуникации) формируется система понятий «объек-

тивного» пространства и времени, которая позволяет осуществление динамического взаимодействия синхронных и диахронных систем и «привязывает», таким образом, действительность и реальность к релятивной («субъективной») системе пространства и времени. В итоге французский психолог приходит к следующему выводу: как бы мы ни концептуализировали «временность» (*Zeitlichkeit*), будь то «сильная временность» (происхождение жизни, филогенез и онтогенез, метаболизм), или «слабая временность» (энтропия), система «регулярных» времен (космологическое, геологическое, атомарное, биологическое время) или био- и социоритмы, — в любом случае время оказывается «аффективно маркированным релятивным концептом, зависящим от наблюдателя» (цит. по: Schmidt 1991: 387).

При этом масштабы интервалов времени, с которыми ассоциирует себя наблюдатель, могут варьироваться. Как указывает И. Б. Ушакова, со ссылкой на В. А. Кошелева (Ушакова 2002: 12), речь может идти о микровремени (текущем времени), мидивремени (актуальном времени) и макровремени (фоновом времени), что соответствует психологической интерпретации восприятия времени человеком. Так, в психологическом словаре, констатирует И. Б. Ушакова, отмечается разграничение трех масштабов исследования времени: ситуативный масштаб (восприятие и переживание коротких временных интервалов), биографический масштаб, ограниченный рождением и смертью, и исторический масштаб, связанный с осознанием личностью исторического прошлого и будущего (Там же).

В данном смысле известный немецкий лингвист Г. Фатер также пишет о том, что «личное» время подразумевает деление на «интервалы субъективно оцениваемой длительности», поскольку оно связано с так называемыми «внутренними часами», соотносящимися с совокупным жизненным ритмом индивидуума (Vater 1994: 40).

Важным аспектом процесса концептуализации времени, обусловленным его вышеупомянутым субъективным характером, является идея об *относительном* характере времени, популярная еще в период греческой цивилизации.

Уже Аристотель, полагая, как и большинство других греческих философов, что человек и мир вокруг него не были созданы Творцом, а существовали всегда, говорил о движении как основе понятия времени: благодаря движению возникает связь «до» и «после». При этом критической точкой отсчета является временная точка «сейчас», относительно которой на основе упомянутой связи определяются все остальные временные параметры (Dorfmueller-Karpusa 1983: 6).

Как указывает Р. Хёнигсвальд, возникающая таким образом позиция «до — после», трансформирующаяся в отношения «раньше — позже», приобретает особую актуальность в свете теории относительности, в контексте которой в зависимости от точки зрения каждое «раньше» может быть преобразовано в «позже», и наоборот. Впрочем, в целом временной ход событий представляется процессом «закрытым» и обозримым в том смысле, что «позже» всегда оформляется и структурируется в рамках «раньше», а «раньше» всегда дано, т. е. заложено в «позже» и этим «позже» как бы «ликвидируется». Данные понятия, подчеркивает далее немецкий когнитолог, относятся друг к другу «не как две точки на одной линии», а как «функции двух членов одного организма»: они переплетаются друг с другом, и «раньше» кажется дистанцированным во времени от «позже», но одновременно в строго определенном смысле оно сосуществует вместе с ним (см.: Hönigswald 1997: 90, 118).

Дополнительно укажем, что особое значение имеет идея о том, что позиция «до — после» (или «раньше — позже», а в конечном итоге «прошлое — будущее») существует только в той мере, в какой она интегрирована в человеческое сознание, придавал Блаженный Августин. В своей «Исповеди» он пишет, что прошлые события обретают свое настоящее в памяти, события настоящего — в перцепции, а будущие события — в ожидании (цит. по: Dorfmueller-Karpusa 1983: 9).

Анализируя проблемы осознания и познания времени в античной культуре, немецкий исследователь К. Дорфмюллер — Карпуза (здесь и далее см.: Ibid.: 7—8) обращает внимание на их тесную связь с размышлениями о модальностях «фактическое», «возможное» и «необходимое». Так, стоики выделяли в этом плане следующие взаимосвязи:

- а) фактическое — это то, что имеет место *сейчас*;
- б) возможное — это то, что будет иметь место когда-нибудь, *сейчас* или в будущем;
- в) необходимое — это то, что будет обязательно иметь место в *будущем*.

В отличие от стоиков, указывает ученый, мегарийцы видели эти связи несколько иначе, понимая под «необходимым» то, что *всегда* имеет место.

На наш взгляд, примечательным в таком подходе является исключение греческими философами фактора прошлого из парадигмы временных соотношений.

В свою очередь Аристотель, продолжает К. Дорфмюллер-Карпуза, разделяя в целом учение стоиков, необходимое трактовал в

духе мегарийцев. Позже его точку зрения поддержал Фома Аквинский, отмечавший, что, хотя прошлое, настоящее и будущее несут абстрактный характер, прошлое и будущее всегда зависят от настоящего.

Об абсолютном и относительном типах времени и пространства говорил в свое время И. Ньютон, но наиболее глубокое обоснование идеи относительности временного концепта нашла в трудах И. Канта, который рассматривал эту относительность в субъективном смысле, т. е. в той мере, насколько данное понятие интегрировано в наш «мировоззренческий аппарат». Для И. Канта время является необходимостью а priori, частью «рамки», необходимой для нашего перцепторного опыта, а вопрос происхождения универсума был сформулирован им как «антиномия чистого разума» (цит. по: Vater 1994: 18—20). Немецкий философ трактует, таким образом, время, равно как и пространство, в качестве субъективных и необходимых условий чувственности и априорных форм созерцания, что определяет их эмпирическую реальность лишь применительно к миру феноменов (Подина 2002: 11).

По сути, И. Кант изучал под видом априорных форм пространства и времени *не* пространство и время предмета, а пространство и время активности познающего субъекта, конструкции созерцательной индивидуации им познаваемых объектов (см.: Мамардашвили, Пятигорский 1997: 117).

Теория относительности А. Эйнштейна окончательно ставит точку в вопросе о существовании абсолютного времени, а философия экзистенциализма в XX в. видит во времени искомый смысл человеческого бытия. Так, в частности, М. Хайдеггер указывает, что время функционирует прежде всего как критерий различения нескольких сфер сущего, а именно сферы «внутривременного» (природа и история), «вневременного» и «надвременного», причем две последние упомянутые области составляют сферу «безвременного» (цит. по: Heinz 1982: 7).

1.2. КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВРЕМЯ

М. Н. Коннова, В. И. Заботкина

Категория времени принадлежит к ряду самых сложных явлений действительности, это «понятие большой степени общности и абстрактности, одно из базовых понятий науки, философии и культуры»

(Степанов 1997: 171)¹. Протекание и изменение времени скрыто от чувственного восприятия человека, вместе с тем весь окружающий мир не существует вне времени. Категория времени находит свое отражение в языке, причем для каждого языкового сообщества характерна своя темпоральная система, сложившаяся под влиянием особенностей национальной культуры и привнесенных заимствований. Целесообразно обратить внимание на соотношение концептуального времени, которое представляет собой форму отражения реального времени в человеческом сознании в виде временных понятий, и языкового времени.

В концептуальной и языковой моделях мира концептуальное и языковое время соотносятся следующим образом: 1) ядро языковой модели времени совпадает с содержанием концептуальной модели времени; информация концептуальной модели времени и ядра языковой модели времени является универсальной во всех языках; 2) информация периферийных участков языковой модели времени национально-специфична.

---

¹ По числу посвященных временной тематике исследований и публикаций данная проблема принадлежит к наиболее разрабатываемым и актуальным вопросам современной науки и изучается специалистами широкого круга естественных и гуманитарных наук (Хасанов 2001: 4; ср.: Молчанов 1990: 4). В философии существуют две основные концепции времени: субстанциональная и реляционная (ФЭС 1989: 94; Алексеев, Панин 1996: 333—334). В современной философии выделяют также динамическую, статическую, субъективистскую и реляционно-динамическую концепции времени. Значительный интерес представляют взгляды И. Канта, труды Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, П. Тилиха и др. Пространственно-временной проблематике посвящены работы Й. Хейзинги (значение образа будущего в восприятии настоящего), Э. Гидденса (пространственно-временной характер социального взаимодействия и структуризации социальных практик), Р. Мертона (исследование зависимости системы времени от социальной структуры), М. Кастельса (исследование трансформации пространства-времени в связи с процессами глобализации) и др. Изучению специфики освоения пространства и времени в различных культурах посвящены работы Дж. Фрезера, М. Элиаде и др. (Горин 2003: 10). В различных областях знания в соответствии с разными формами движения материи выделяют физическое, геологическое, механическое, астрономическое, биологическое, социально-историческое, психологическое время. Каждое новое открытие в современной науке, особенно в физике, математике, кибернетике наполняет понятие времени новым содержанием (Панасенко 2002: 151—152). Эволюция воззрений на природу времени подробно рассматривается, в частности, в работах (Любинская, Лепилин 2002; Горин 2003).

Концептуальное время как ядро концептуальной модели времени содержит следующие временные понятия:

1) обобщенное представление о времени как длительности всего происходящего, позволяющее членить время на отрезки (с различной степенью очерченности границ и с разной протяженностью), которые можно измерить — это количественная определенность событий, явлений и процессов;

2) понятие временной последовательности, общего временного порядка и одновременности — здесь понятие «время» (т. е. временной аспект опыта) раскрывается как познание и концептуальное соединение двух или более множеств последовательных переживаний, состоящих в отношениях «до-после» (Alverson 1994: 62);

3) понятие направленности движения времени от прошлого к будущему, связанное с линейным восприятием времени, необратимость времени, позволяющая разделять время на сферы прошлого, настоящего и будущего относительно точки отсчета (Стопочева-Мойер 2000: 10).

Перцептуальное время, выделяемое в рамках концептуального времени, относится к сфере восприятия внешнего мира отдельным человеком.

Перцептуальное время состоит из системы понятий, отражающих порядок сосуществования реальных объектов и явлений в сознании индивида. В его основе лежит смена ощущений и переживаний, характер его течения определяется плотностью событий и эмоциональным состоянием индивида: «В нашем внутреннем переживании времени важен не отсчет лет, но события, их наполняющие. Именно ими определяется субъективная длительность, а точнее, значимость какого-либо временного отрезка» (Копейкин 2004: 3; Колесниченко 1998: 83; ср.: Ненарокова 2003: 141; Арутюнова 1999). Оно включает оценки одновременности, длительности, последовательности, скорости развития жизненных процессов, переживания сжатости и растянутости, прерывности и непрерывности, для него характерны такие свойства, как обратимость, повторяемость, разнонаправленность, конструирование (Тихонова 2002: 4). Именно субъективное перцептуальное время способствует осознанию возрастных этапов. На нем основаны представления об исторической связи жизни отдельного человека с жизнью предшествующих и последующих поколений — отсюда его центральная роль в формировании интуитивно усваиваемой временной картины мира (Алексеев, Панин 1996: 338; см. также: Kellerman 1989: 7; Hall 1983: 126, 129; Медведева 2002: 7). Функция перцепту-

ального времени состоит в упорядочивании психической деятельности индивида, так как оно дает человеку индивидуальное чувство «настоящего», «прошлого» и «будущего» (Старикова 1992: 52)¹.

Способом отображения в языке свойств реального времени посредством концептуальных и перцептуальных временных понятий является языковое время, выступающее как совокупность всех способов выражения средствами языка сущности времени (Рябова 1995: 251), как концептуализация временных отношений, оформленных языковыми средствами (Закамулина 2000: 9). Языковое время, которое само по себе является не временем, но выражением нашего осмысления времени, представляет собой независимую систему, лишь отчасти связанную со временем, изучаемым физиками, философами, психологами (Traugott 1975).

Понимаемое как понятийная категория темпоральности, языковое время реализуется средствами различных содержательных уровней языковой системы (Михеева 2004: 72). В морфологии европейских языков время отражено в системе грамматических времен, которые делят временной континуум на сегменты (Заварина 1986: 95; ср.: Traugott 1975; Bull 1960). Глагол считается ключевым морфологическим средством описания языкового времени, поскольку он обозначает действие, всегда протекающее во времени (Глызина 1999: 7). В синтаксисе временные отношения передаются посредством различных структурно-семантических типов сложных предложений с временными отношениями частей, в словообразовании временные компоненты переходят от слова к его производным, в лексике ключевыми являются значения отдельных слов темпоральной семантики (Михеева 2004: 72).

Языковое время содержит сложную систему темпоральных категорий (вид, время, таксис) и изначально является дейктическим (Бондарко 1998). Дейктические теории грамматического времени базируются на динамическом и реляционном понимании времени. Основой темпоральной отнесенности события является в данном случае отношение между временем события, описываемого в высказывании, и временем речевого акта. Таксисные конструкции передают временные отношения между событиями и действиями в рамках целостного

---

¹ Субъективное перцептуальное время является единственной формой восприятия объективного физического времени человеком и возникает на основе переживания индивидом потока циклических биологических процессов и протекающих в мозгу и нервной системе информационных процессов (Хасанов 2001: 167—168).

периода времени, выражаемого в высказывании (Рябова 1995). Они являются отражением статической концепции¹, в которой события прошлого, настоящего и будущего существуют реально и одновременно, а их появление или исчезновение является иллюзией, возникающей при осознании того или иного изменения (Тихонова 2002: 7). Системные противопоставления прошедшего, настоящего и будущего времен, характерные для глагольного времени, формируют представления о времени носителей языка, структурируя разговорную и письменную речь (Newman et al. 2002: 1), упорядочивая событийный ряд в сознании самих говорящих².

Наряду с глагольными формами времени, имеющими свойство обязательности, существует разветвленная система неморфологических средств темпоральной локализации действия (Ножнина 1989: 12; Медведева 2002: 9). Объем лексической периферии языковой модели времени связан с уровнем парадигматизации соответствующих ядерных форм времени. Формы отражения временных отношений взаимодействуют на основе принципа функциональной дополнительности. Вокруг грамматического ядра категории времени, обобщенно передающего значение темпоральности, группируются другие высокочастотные языковые средства выражения времени (Тарасова 1987: 29; Ножнина 1989). Периферию составляют «лексические единицы, имплицитующие темпоральную отнесенность, синтаксические кон-

---

¹ Разделение всех онтологических явлений на состояния (статика) и процессы (динамика) обусловлено различным отношением этих явлений ко времени. Динамическое существование может состоять как из нескольких, различных по характеру фаз (процесс), так и из одной, но не имеющей продолжительности фазы (событие). Статическое состояние имеет одну, потенциально неограниченную во времени фазу, для которой нехарактерно развитие (Тихонова 2002: 7).

² Э. К. Трауготт отмечает, что на семантическом уровне темпоральные подсистемы грамматического времени, вида, последовательности являются пространственными, локативными (*locative*). Грамматическое время помещает обсуждаемое событие на воображаемую линию времени относительно говорящего. Порядковая последовательность (*serial ordering*) располагает события относительно друг друга в различных местах на линии времени. Вид устанавливает границы событий (Traugott 1975). Грамматические выражения времени можно также трактовать как реализации различных метафорических моделей времени. Время, обозначаемое с помощью дейктических средств, является пространственным грамматическим временем; грамматическая категория вида представляет параллель внутреннего времени, тогда как с помощью модальных категорий воплощается субъективное время (Красухин 1997: 73—75).

струкции, структурируемые с нарушением семантической конгруэнтности, метафорические композиты, а также культурные реалии, локализирующие происходящее на временной оси» (Медведева 2002: 4). Одним из средств обозначения номинативного (неморфологического) времени являются фразеологизмы, в частности качественно-обстоятельственные фразеологизмы со значением времени (Родионова 2002: 14). Различия морфологических, лексических и синтаксических элементов языкового времени проявляются в содержательном и функциональном плане (Потаенко 1996: 22).

В языковой модели мира наиболее субъективным отражением реального времени является художественное время. Художественное время принадлежит художественной ткани произведения и подчиняет своим художественным задачам грамматическое время и понимание природы времени писателем (Лихачев 1987: 492)¹.

1.3. КОГНИТИВНОЕ ОСВОЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Г. И. БЕРЕСТНЕВ

Пространство и время относятся к числу важнейших категорий, обеспечивающих дальнейшее осмысление человеком действительности и практическое освоение. Как утверждал И. Кант, *пространство* есть форма априорного созерцания внешнего мира, а *время* — форма априорного внутреннего созерцания. «Вне нас, — писал он, — мы не можем созерцать время, точно так как не можем созерцать пространство внутри нас» (Кант 1994: 50)².

---

¹ Для художественного времени характерно нарушение объективных свойств времени: «Автор может изобразить короткий или длинный промежуток времени, может заставить время протекать медленно или быстро, может изобразить его протекающим непрерывно или прерывисто, последовательно или непоследовательно <...> Он может изобразить время произведения в тесной связи с историческим временем или в отрыве от него; <...> может изображать прошлое, настоящее и будущее в различных сочетаниях» (Лихачев 1987: 492).

² Впоследствии исследователи пытались критически переосмыслить содержание этого тезиса. Так, по наблюдению Г. Х. фон Вригта, когда человек говорит, что испытывает боль в правой ноге, он соответствующим образом локализует боль в своем внутреннем пространстве (Вригт 2000: 16). Однако и в подобных случаях свои внутренние соматические состояния человек связывает с внешними по отношению к себе пространственными ориентирами.